

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА НА КАМЧАТКЕ

Впервые столкнулся и отчасти понял, что такое моя профессия, только на практике в Камчатрыбводе – на Ушковском рыбноводном заводе (в народе – Ушки), расположенном на р. Камчатке 18-ю километрами ниже пос. Козыревск.

Приехал на рыбноводный завод на попутной машине в начале августа 1971 г. Над Козыревском и по всей дороге стоял густой запах перегревшегося хвойного леса.

В то время директором был Илья Иванович Исаев, главным рыбноводом – его супруга Любовь Михайловна Исаева, а куратором этого завода – Галина Николаевна Рассохина, возглавлявшая рыбноводный отдел в Камчатрыбводе.

На рыбноводном заводе мне очень понравилось. Рабочий день начинался в 9 утра и заканчивался в 18¹⁵. Обед по расписанию. Весь штат завода составлял около 10 человек. На работу никто не опаздывал. Жил один. Сам себе готовил. Иногда на обед меня приглашала Любовь Михайловна.

Вечером два часа работал магазин и через день в доме-клубе в 21⁰⁰ показывали кинофильмы, которые смотрели всем заводом. Билет на сеанс стоил 20 копеек.

Когда началась закладка икры, то разрезание самок и оплодотворение икры проводила сама Любовь Михайловна. Все делалось очень тщательно. Люди искренне верили в нужность рыбноводства, и я поверил в него.

Территорию завода, на которой почти везде рос клевер, обнесли забором. По этому клеверу ходил конь Мальчик, которого в списке материальных ценностей записали следующим за рульмотором «Вихрь-20».

Галина Ивановна много рассказывала о рыбноводном заводе. Я с ней подружился и затем многие годы заходил к ней на работу в Камчатрыбвод, где она давала мне материалы по нерке оз. Ушковского.

После первой практики твердо уверился в правильном выборе профессии. Вторая практика только укрепила мое мнение об этом. Однозначно понял: мне здорово повезло.

***

Следующая практика, после 4 курса, проходила в КоТИНРО. В июне 1972 г. я приехал в Петропавловск. Меня, оформив на два месяца младшим научным сотрудником, отправили со штатным м. н. с. Виктором Григорьевичем Вершининым в Анадырско-Наваринский район и Чукотское море изучать треску и сайку (полярную тресочку). В море пошли на СРТМ «Пограничник Змеев».

С Виктором сразу подружился. До отхода в море неоднократно бывал у него дома. Хорошие отношения сложились и с его женой – Галиной Марковной Мараевой. Она работала в КоТИНРО переводчицей с английского языка.

В. Г. прекрасно играл на шестиструнной гитаре и здорово пел. Особенно в его исполнении мне нравился «Гимн восходящего солнца», «Любовный напиток № 9», а также «Лучшее платье – твоя нагота».

В. Г. был очень тактичным и вежливым человеком. С ним оказалось легко и приятно работать. Он все старался объяснить. Мы почти ежедневно проводили массовые промеры уловов и, по мере необходимости, биологические анализы трески и сайки. Занимались мечением трески (правда, не знаю, выжила ли после этого хоть одна рыба).

***

Через полтора месяца плавания наш СРТМ «Пограничник Змеев» зашел в бухту Святого Лаврентия. По судовому радио объявили, что все желающие и свободные от вахты могут сойти на берег. Я относился к категории «желающих и свободных».

Прежде я ни разу не попадал на Чукотку. И поэтому, помимо тяги просто сойти на берег, во мне горело желание пройти ногами по той земле, где никогда не был. До этого часто разглядывал побережье Чукотки в бинокль.

Когда спрыгнул со шлюпки, то сразу ничего не ощутил. Между тем, пока находился в море, меня неоднократно волновала встреча с землей. Сейчас же все произошло обыденно, будто на день несколько раз сходил на землю в течение этих полутора месяцев.

Сошедшие на землю стали быстро расходиться в разные стороны. Вначале хотел догнать какую-нибудь группу, но затем раздумал и пошел через тундру к холмам.

Многие из команды ползали на коленях – собирали цветы. Наш тралмастер, лысый пожилой мужчина, от которого я ничего, кроме непереводаемых на литературный язык словосочетаний, не слышал, набрал букет и озадаченно смотрел на него, не зная, что с ним делать.

Мне не хотелось рвать цветы. Шел по-щиколотку в воде – тундра была сырая, т. к. таял снег. Постепенно ускорил шаг и вскоре побежал, но быстро выдохся. Сказалась малоподвижная жизнь на судне.

Перешел несколько ручьев и пошел вверх по распадку между двумя холмами. Кое-где на земле валялись старые олени рога. Под ногами пружинил ягель. Выглянуло солнце.

Обернулся и увидел в бухте наш СРТМ. Он казался со стороны очень чистым, как детская игрушка-кораблик. По откосу холма взобрался наверх: до самого горизонта тянулись такие же холмы. И я пошел по холмам.

Наверху они были сухие и чистые, кое-где маленькими островками рос ягель. Свободные от растительности места покрывали белые аккуратные камешки. От них и от ягеля холмы казались белыми и веселыми. Сфотографировал эти «веселые» холмы. И мне сразу стало весело.

Единственно, что слегка огорчало: мне никогда в жизни не придется стоять еще раз на этих холмах. Характер работы не способствовал этому, а туристам здесь делать нечего. Эти края не терпят туристов.

С этими мыслями в голове я вдруг заметил людей с палаткой в километре от себя. Издали казалось непонятным, что они делают: ставят или снимают палатку.

Палатка стояла на берегу бухточки, отделенной от места нашей высадки цепью холмов. Ни мы, ни эти незнакомые мне люди не подозревали о соседстве. И я пошел к ним. Хотелось посмотреть, какой внешности люди обитают в этих местах. Мне они представлялись сильными и мужественными. И не ошибся.

Их было трое: загорелые, с длинными отросшими волосами, одетые в защитного цвета, выгоревшие на солнце спецовки. Двое были гладко выбриты, третий (по виду старший) имел могучую бороду.

Мой приход их не удивил. Поздоровались. Задал несколько вежливых вопросов, в которых сквозило плохо скрытое любопытство и восхищение. Ответили, что они геодезисты и собираются сейчас идти к очередной базе. Здесь живут уже неделю.

Сами не задали ни одного вопроса. Скатывали олени шкуры, укладывали рюкзаки. Невдалеке стоял тур из камней. К нему под прямым углом на земле выложили марлей две полосы для того, чтобы потом легче было отыскать данную точку на аэрофотоснимке.

Геодезисты ушли. Я сфотографировал их, поднимавшихся по склону холма. Не знаю имен этих ребят, откуда и куда шли, но они мне понравились. Ни одного лишнего слова. Настоящие люди не должны много разговаривать.

Когда подошел к шлюпке, все уже были в сборе. На берегу горел гигантский костер из бревен, выброшенных морем. Посидели молча у костра, и шлюпка отчалила к судну.

Уже на судне тралмастер принес в нашу каюту половину букета. Через день цветы завяли, а через несколько дней высохли. Я воду вылил, но цветы не выбросил – они пахли чукотской тундрой. Если точнее, то они пахли веником, но если не обращать на это внимание, то они пахли еще и малиной.

Засохший букет стоял месяц. Потом меня высадили в Анадыре, и я улетел в Петропавловск. А букет так и остался стоять в каюте. Не смог его выбросить.

***

В результате командировки в Чукотское море и Анадырский залив я собрал необходимый материал для дипломной работы. Плавание на СРТМ «Пограничник Змеев» оказалось очень полезным. Без вариантов я твердо понял, что мне лучше не работать морским ихтиологом: в море чувствовал себя не очень хорошо.

В КоТИНРО «обрадовали», что свободен и могу ехать домой. Но я напросился на новую производственную практику.

В итоге, заведующий лабораторией лососевых рыб к. б. н. Борис Борисович Вронский (в обиходе – Бэ-Бэ) отправил меня на два месяца на оз. Курильское. Там поручил по структуре чешуи и морфометрическим характеристикам попытаться найти популяционные различия у производителей нерки с различных нерестилищ.

На самолете Як-40 добрался до пос. Озерновского и пешком (более 40 км) дошел до Озерновского наблюдательного пункта. Он располагался в истоке р. Озерной. Заведовал пунктом Михаил Михайлович Селифонов (в обиходе – Мих-Мих). Его жена, Маргарита Федоровна, находилась в отпуске на материке.

Поселили меня в старом доме с научными сотрудниками из г. Горького, изучавшими миграции и хоминг нерки. Эти ребята через несколько дней уехали, и я остался в доме один.

С помощью сотрудника, уже пожилого Семена Николаевича Орла, в бассейне оз. Курильского отлавливал на отдельных нерестилищах по 50 самок нерки. Делал их морфометрию (измерения для дальнейшего анализа пропорций тела). На каждой рыбе проводил более 30 измерений. Занимался этим целые дни, и мне ни до чего не было дела.

В период моей жизни на озере к М. М. раз в неделю на выходные дни приезжали гости с Паужетской геотермальной станции (геологи, вулканологи), но это меня никоим образом не касалось. Я продолжал делать свою морфометрию.

Кроме того, раз в месяц участвовал в измерениях температуры воды в озере по горизонтам с помощью термобатиграфа. Температуру воды измеряли до глубины 200 м. Существовала специальная лебедка для этой цели.

Один раз, когда к М. М. приехали гости с Паужетки, он попросил меня заправить электрическую станцию бензином и запустить ее. Из бочки на улице я налил бензина в бак, но станцию завести не смог.

Когда доложил М. М. о своей неудаче, то кто-то из гостей сам вызвался сходить запустить станцию. И... пропал. Не дождавшись, все гости пошли в дизельную «заводить мотор». Застолье плавно перенеслось из дома в дизельную. Минут через 30 станцию уже «почти завели», когда, наконец, выяснили, что вместо бензина «студент» в бак налил солярки. М. М. глядел на меня укоризненно и улыбался.

Через несколько дней всем пунктом занимались заготовкой дров на зиму. Пилили каменную березу на дрова и складывали в сарай чурбаки, которые зимой обитатели пункта далее будут колоть по мере необходимости.

Загатавливали рыбу для собак – на пункте имелась собачья упряжка. Собак звали: Помякшин (передовик), Черный, Ястреб, Серко, Верный, Крючок, Жучка и Сучка. Иногда через оз. Курильское и пункт проходили изможденные туристы из Петропавловска, которые всегда что-то просили. Что мог – давал.

Через два месяца вернулся в КоТИНРО. За период практики побывал в разных районах озера, которое произвело на меня очень сильное впечатление. Один раз мы летали на вертолете выбирать сетку, поставленную мной в дальней части озера у р. Хақыцин. Дважды М. М. ездил со мной помогать собирать материал. Для защиты от медведей он разрешил мне брать на нерестилища карабин, но я из него даже ни разу и не выстрелил.

Дипломную работу в Дальрыбвтузе защищал по нерке оз. Курильское. Положительный отзыв на нее мне написал директор ТИНРО – к. б. н. С. М. Коновалов.

***

Б. Б. Вронский обещал прислать вызов на работу, но не прислал. Про «студента» он просто забыл, хотя я два раза и напоминал ему о себе письмами.

В ночь перед распределением меня увезли в больницу и вырезали аппендикс. Там пролежал 7 дней. Аттестационная комиссия Дальрыбвтуза распределила в ТУРНИФ.

Через несколько дней после свершившегося факта началась запоздалая активность с переводом в КоТИНРО. С помощью заместителя директора по науке к. б. н. Ивана Ивановича Лагунова и директора КоТИНРО к. э. н. Александра Константиновича Евдокимова меня в итоге все-таки перераспределили.

Но А. К. поставил условие: я должен заниматься авиаучетами лососей на нерестилищах вместе с А. Г. Остроумовым и не просить прописку в институтском общежитии в Петропавловске или на наблюдательных пунктах.

Чувствовал себя безумно счастливым, т. к. тогда не знал, как много значит прописка. Последнее условие навсегда лишало шансов получить квартиру в КоТИНРО как молодому специалисту. Это был мой «членский взнос» за возможность работать на Камчатке.

Легальным путем в КоТИНРО распределили Володю Карпенко, который закончил институт с красным дипломом, и Светлану Чигиреву (она была старостой группы).

Как выяснилось только через несколько месяцев, Светлана на Камчатку не поехала, т. к. вышла замуж за молодого специалиста-геолога Евгения Терехова. Стала работать в патентном отделе ТИНРО во Владивостоке. Этой деятельностью она занимается и по настоящее время.

Если бы я учился в институте лучше, то проблем с выбором места распределения у меня бы не имелось. Вывод: мальчики и девочки – нужно лучше учиться!!!

В начале сентября 1973 г. поехал работать на Камчатку, свободный от обязательств перед кем-либо. С собой привез только чемодан любимых книг – Александр Грин, Роберт Льюис Стивенсон, Брет Гарт, Джек Лондон...